

*А.Б. Базилевский*

### **Поэзия для детей сегодня: взросление и впадение в детство (ситуация в Сербии и в России)**

*Аннотация:* Детская поэзия – зона особой творческой ответственности. Многолики варианты «впадения в детство»: пустопорожняя назидательность, тусклый идейно-ангажированный официоз, проповедь безграничной материальной свободы. Как идеологизация, так и демонстративное «бегство от идеологии» в детской поэзии – содействие корысти властвующих или стремящихся к власти групп. И то, и другое побуждает к разрушительному утопизму, цель которого – затормозить развитие человека, вогнать его в инфантильный канон, лишить суверенной субъектности, способности самостоятельно мыслить и противостоять косности социальных систем. Путь «взросления» поэзии един: рост художественной достоверности образов сострадания, альтруизма, милосердия, справедливости – в конфликте с неправдой, подлостью, эгоизмом, стремлением к внешнему превосходству.

*Ключевые слова:* поэзия для детей в Сербии и в России, творческая ответственность, впадение в детство, разрушительный утопизм, взросление

*Abstract:* Poetry for children is a field of special responsibility. Regrettably, substituting genuine children's poetry with quasi-children's poetry is a trend. The latter allows for lifeless ideology-bound formalism, lecturer-like mode of speech, and advocacy of unlimited material freedom. And all in vain. Both ideology-based poetry and ideology-free poetry, of the demonstrative type, play into the hands of today's elites who tend to encourage destructive utopism. Their goal is to slow down human growth, make him/her incapable of independent thinking, rob him/her of freedom to oppose the sluggish social system. Children's poetry may grow up only if it starts to show kids in striking contrast genuine images of compassion, altruism, mercy, and justice, on the one hand, and falsehood, meanness, selfishness, outward superiority, on the other.

*Key words:* children's poetry in Serbia, children's poetry in Russia, creative responsibility, childish behaviour, destructive utopism

Чего не знаешь в детстве – не знаешь на всю жизнь.

*Марина Цветаева*

Детская литература – тема ответственная и больная. Дети не маленькие взрослые. Они укор взрослому миру, который словно пытается откупиться от них, стихами замаливая свои бесчисленные грехи. Ребенок – образ совершенства, постепенно искажаемый страшной реальностью, гость из мира идеального, ненужный распоясавшимся взрослым. Детство все больше вытесняется из жизни. Его третируют как прелюдию к чему-то более важному, настоящему, а ведь оно и есть для каждого самое настоящее – время, когда заурядное постигается как чудо, когда невероятно интересно, как всё живет. Маленькое существо непосредственно и целостно ощущает свою связь с миром в его повседневности и временной цикличности. Личность ребенка энциклопедична, универсальна. Даже омраченное страданием, утратой, сиротством, одиночеством, детство – праздник во славу жизни.

Однако безмятежное детство – миф. Беспочвенный и бесполезный. Дети хотят и умеют любить, а бесстрастный мир отвечает им: «Ну и что?» Детское сознание восстает против дисгармонии. Ребенку дано «возлюбить жизнь прежде смысла ее» (Достоевский). Мир поэзии и детство едины, их суть – свобода познания, радость любви. Детство – время первозданной чистоты, согласия, бесхитростной и бескорыстной любознательности, сопричастности души всему живому. Дети поэтизируют мир, поэтому нет в словесности ничего более естественного, чем детская поэзия. Через стихи – услышанные, а потом и прочитанные – ребенок наглядно постигает борьбу противоречий. Поэзия будит его музыкальный слух и чувство ритма. Педагогика поэзии для него доходчивей всего. Мир открывается, как книга, – и книга оказывается моделью мира. Поэтому книга для ребенка – бесценный подарок (или дар губительный, с отсроченной ядовитой силой).

Конечно же, тут не о чем спорить: есть вечно живые детские стихи, покоряющие своей неуязвимой прелестью. Примеров много. Однако в целом это поэзия с неясным статусом, не вполне признанная. Существует довольно живучий – среди «недетских» поэтов и среди читателей – стереотип: дескать, стихи для детей не поэзия, а так, нечто стихообразное, поверхностное и примитивное. Стереотип основан на незнании текстов, отсутствии слуха, интереса, внимания. Однако причины его возникновения понятны. В истории литературы выживает совершенное. Но не всё совершенное попадает в нее – его поглощает забвение. Бесследно исчезают, вымываются из активного сознания и прекрасные стихи для детей. Доказательствами полна агрессивная среда масс-культуры в любой стране.

Настоящая поэзия для детей не идеализирует ни детство, ни мир вообще, но она не терпит социосхем, риторики и прямой дидактики. У нее высокий потенциал непредвзятости. Ведь ребенок нуждается в примерах мужества и доброты, явленных без нажима, без пафоса, мягко, остроумно и убедительно. Чуковского возмущали «поэтические заики и губошлепы». А эти бракоделы «детлитературы», в свою очередь, брюзжали по поводу «чуковщины», растлевающей советских детей. И дело тут не в «тоталитарном режиме». При любой социально-идеологической системе идет та же борьба: между ничтожным, претенциозным, безвкусным, начетническим и – содержательным, полноценным, подлинным, искренним.

Иногда поделки ухитряются выдать себя за нечто истинное и весомое. Срабатывает – особенно во времена продвинутых пиар-технологий – внушение рынка. Детские коммерчески-развлекательные «проекты», поддержанные массивно

и глобально, – часть повсеместной стратегии власть имущих по отчуждающей трансформации человечества в бездумное стадо. Простодушное, бесхитростное общение становится «неформатным», иррациональность для генетически модифицированного обывателя предпочтительней познания. Этим объясняется относительный успех адресованной детям депрессивной литературы, накачанной нигилистическим сарказмом, черным юмором, псевдомистикой.

Снятие тематико-психологических табу, маниакальное избавление от «постсоветизмов», засилье самодовлеющей забавы во многом привело к расшатыванию гуманистической основы детской литературы вообще. Писатели «изобретают» и культивируют детскость в противопоставлении взрослости, что сказывается в регрессивных жанровых сдвигах детской литературы. Выдумываются теории автономного детства. Создается философия детского возраста как атрибута особых существ, отдельного видового состояния человека. Эти «особые» существа готовятся для пополнения армии инфантильных взрослых – циничных потребителей и приспособленцев, удобных для манипулирования и оболванивания.

Такой мутации сознания противостоит поэт. Он всегда живет словно в детстве, сверяя с ним настоящее. Детские годы – источник его вдохновения. Открыть в себе голос ребенка – значит извлечь из подсознания чистую интонацию, непритворно сказать о сути: о вечной новизне счастья – быть. «Художником имеет право называться только тот, кто сберег в себе вечное детство», – заметил Александр Блок. Нет оснований не доверять ему. Непосредственная детскость восприятия – прививка против уныния и безверия. В стихах для детей поэт выражает свои несбывшиеся мечты, надежды и упования. В нем пробуждается детское «я» – так он в силах «из глубокой печали восстать» (Осип Мандельштам). Тогда ему по плечу миссия проводника, учителя в школе света, преподающего предмет «введение в жизнь».

Подвижник вечного возрождения, он восстанавливает в стихе архетипическое пространство счастья – рая, дома. Запечатлевает образы родных людей, которым дитя подражает. Раскрывает беспредельность мира и бесконечность познания, помогает усвоить фундаментальные истины человеческого бытия. Помогает открыть, пережить и понять ответы на главные вопросы трех первоначальных жизненных эпох: младенческой, отроческой и подростковой: «Что? почему? зачем?» Поэзия – надежный способ закалки души, повышения ее сопротивляемости гнету жизненных обстоятельств, опасностям грубой действительности. Формируя речь, стихи дают живой урок психологической и социальной грамоты, запускают механизм внутреннего, независимого восхождения личности.

Дети ждут одобрения их мира, в поэте ищут союзника и собеседника. Поэт – посредник между детьми и жизнью, защитник интересов и привилегий детства. Он любит ребенка, не впадая в сентиментальное умиление. В нем и уважение к ребенку, и опасение перед ним, еще не ведающим о нравственной норме. Привить эту норму – задача писателя, осознающего ответственность за слово. Он умеет высмеять бесплодные мечты и авантюрные порывы. Учит слушать и откликаться, осознавать безмерную ценность бытия, показывая, сколько радости в этом по сравнению с любым вещественным успехом. Учит деятельной любви, трудолюбию, правдивости, мужеству. Его слова объединяют, роднят и радуют.

Ребенок – посланец и обитатель будущего. В общении с природой, ровесниками и старшими дети постепенно осознают себя. Естественный эгоцентризм биологического индивида всё более замещается готовностью слышать и понимать

другого: происходит становление души. Потом зачастую жизнь души угасает в человеке, оттого что ему не хватило запаса энергии, принятой в детстве. Источники этой энергии, прежде всего, в семейном тепле, в покровительстве родины. А когда юный человек этого лишен? Переход во взрослость может стать катастрофой, убийственным разочарованием, если ребенок вовремя не получил животительной инъекции поэзии. Чтобы выстоять в разноплановом, изменчивом мире, где все вещественно, но и духовно, и трагично, и смешно, ребенку нужен также заряд эксцентрики и нелепости.

Все любят и дурачиться, и дурачить. А дети хотят познавать, играя, хотят, чтобы в книжках все было как в жизни, но... не совсем взаправду, а чуть «понарошку», немного иначе. Ждут фантастических событий и фантастических героев. Поэтому детский ум так рад алогичным стихам, пародии и карикатуре: увидев «мир наоборот», он может восстановить порядок, все вернуть на свои места. Ребенок сам чудо, и он требует необыкновенного. Вот и приходится поэту творить чудеса. В этом его артистизм: то найти точные слова с прямым смыслом, то опереться на подтекст и субъективные впечатления. Играть можно и в серьезность тоже. Тогда возникает забавная степенность – еще один алгоритм, приложимый к реальным обстоятельствам. Утрировка алогизма – защита от несовершенства мира, зачаток сатиры.

Детская поэзия – перекресток искусства и педагогики, зона особой творческой ответственности, она требует особого склада души и мастерства. Поэзия для детей – характерная ветвь русской и сербской поэзии, произросшая в недрах романтизма и красочно расцветшая в XX в. Величие души и просвещенный разум – девиз эпохи классицизма, когда начиналась эта поэзия, – и сегодня нацеливает на идеал отзывчивости, восприимчивости, сострадания. Ему следовали все крупные поэты наших народов, профессионально писавшие для детей. Классики и мэтры, мастера и подмастерья.

Змай, Франичевич, Радович, Витез, Тарталья, Лукич, Раичкович, Царич, Данойлич, Радичевич, Трифунович, Антич, Радулович, Црнчевич, Ршумович, Эрич, Одалович... Некрасов, Чуковский, Маяковский, Маршак, Хармс, Михалков, Барто, Заходер, Берестов, Матвеева, Мориц, Успенский, Высоцкий, Григорьев, Лунин, Кружков, Яснов... У каждого свой почерк: у одних доминирует веселье, восторг, забава; у других – созерцательное изумление, сочувствие, стремление утешить; одни пишут «изнутри» детского сознания – другие смотрят на мир детей со стороны. Но никто не пытается научить бездумному подчинению, внушить неприятие непонятого и поверхностный оптимизм.

Модель текста, обращенного к детям, predetermined исторической ситуацией, в которой веками жил сербский народ. Эта поэзия привержена идее родины, героизма, свободы. Мужественная душа народа сказалась в мечтах и размышлениях детских поэтов. Все они доброжелательные наблюдатели обычного и выдумщики небывалых образов, словно увиденных глазами ребенка. Их призыв к добру и благородству звучит не в лоб, патетика приглушена юмором и гротеском. В слиянии беспокойной романтики и реальных картин пестрого, изобильного впечатлениями мира возникает бесконечное пространство вещей и явлений, привычных и странных.

Самобытность сербской детской поэзии проявляется в сюжетах, героях, жанрах, стилях. Развиваясь, она двигалась от инфантильной наивности, сентиментальности и назидательности к диалектической многогранности в представлении мира. От развернутой фабулы – к лирическому сюжету, воплощенному в краткие

формы: зарисовку, анекдот, миниатюру-рассуждение. От узости понимания ребенка как объекта воздействия – к восприятию его как полноправного маленького человека, брата и товарища. От сюсюканья, детского лепета – к полноценному волнующему и отважному разговору.

Во второй половине XX в. детская поэзия Сербии освобождается от чрезмерной прагматики, становится посланием об истинном величии жизни. Наполняется пониманием – на доступном ребенку уровне – того, что есть страх, боль, смерть, память, тайна, Бог. В ней произошло падение запретов – но не всех: поэты остановились перед тем, что противно истине, избежали втягивания взрослых психических аномалий в орбиту детского восприятия и в стан хаоса не пошли. Этой поэзией выработан простой, ясный, энергичный слог, она занимательна, афористична, психологически точна.

Редко кто из значительных «взрослых» поэтов Сербии новейшего времени не написал хоть что-то и для детей, многие писали и пишут для них постоянно. Сербские поэты любовно и трогательно плетут общий стихотворный венок детям своего народа. Их строки становятся крылатыми, лучшие стихи переходят в фольклор. У этой поэзии есть традиция, оберегающая ее от упадка, и перспектива, обеспеченная сегодняшним расцветом<sup>1</sup>.

Собственно, тот же путь прошла и поэзия русская. У нее те же горизонты и те же гарантии плодотворного развития.

Настоящие детские стихи адресованы и взрослым. Бывшим детям они могут сказать даже больше. Тут мудрость «на вырост», для всех; идет переключка планов детского и взрослого – восприятия, ожидания, оценки: восторг перед добром, радость общего труда, счет неправде и злу. Герой детской поэзии – и ребенок-созерцатель, и ребенок-созидатель, и ребенок-мученик взрослого мира, и ребенок-борец, подвижник, а порой и судья, и мститель. Детская и взрослая литературы взаимопроницаемы, но детская в целом консервативней – это позволяет ей отторгать недолжное, оскорбительное для детской души. Если это литература не позерская, не инфантильная.

Подлинная детскость и инфантилизм несовместимы. Байки о вреде непокорности всем известны: приучая человека жить в ожидании кнута и пряника, они не ведут ни к чему, кроме конформизма. «Праздник непослушания» (Сергей Михалков) – то, чего ищет дитя в искусстве. Отсюда несомненный успех и польза «вредных советов» (Георгий Остёр). Обыгрывая бесполезные штампы прекраснодушных наставлений, поэзия – через острабяющее чудачество, иронический гротеск – показывает детям, как можно, лучше поняв реальность, справиться с житейскими тяготами. Слова не властны над жизнью, но они говорят с преобразующей мир душой и укрепляют ее.

Чтоб быть художественно действенным, стихотворение должно быть написано с выдумкой, упруго, звучно, по возможности кратко. Средства поэтики работают в поэзии эффективней, чем в прозе, здесь играет каждое слово. Идеал поэзии для детей тот же, что у любой поэзии: не должно быть лишних слов. Детям нужны стихи, где, по известному выражению Некрасова, «словам тесно, а мыслям просторно». Язык хорошей детской поэзии сведен к необходимому минимуму. Ей

<sup>1</sup> Сербская поэзия для детей от истоков до современности представлена в двуязычной антологии: Книга радости: Српско песништво – деци и о деци / Книга радости: Сербская поэзия – детям и о детях. М.: Вахазар; Б.: Просвета; Торонто: Источник, 2012. 1224 с. Там же библиография предшествующих русских изданий этой поэзии.



свойственна ясность, но и недосказанность. Ей к лицу каламбуры и звонкие рифмы, музыкальные переливы смыслов.

Зато безусловно противопоказаны нагромождения слов, накат метафор и туманная экзальтация. Очевидное намерение избежать ясности, свойственное многим литераторам, неэффективно в детской поэзии: ребенок безошибочно ощущает, что данный набор слов скрывает пустоту. Авангардистские авантюры здесь не проходят. Срабатывает здоровый инстинкт: то, что запутано, не стоит и понимать. Ребенок не хочет быть вещью и игрушкой, а именно таков образ читателя в глазах самовлюбленного литературного фокусника.

Опора духовности – радость и спасительная игра, которую ничто не должно и не может прервать. Вот «экзамен на царя» (Момчило Тешич): чтоб стать правителем, надо уметь лгать, но категорически нельзя уметь работать. Это предчувствие взрослого мира, где убивают и лгут. В такой мир не очень-то хочется, поэтому ребенок может заартачиться: нарочно останусь маленьким! Детская поэзия – голос протеста против безобразий, творимых дядями и тетями в большом мире. Поэзия охраняет душу от разочарования, организует духовную наполненность жизни, создает линии обороны, чтобы помочь детям жить в сегодняшнем мире, ополчившемся против детской души.

Многолики варианты «впадения в детство»: имитация благонаравия, пустоপরোজন্য назидательность, тусклый идейно-ангажированный официоз, проповедь безграничной материальной свободы. Кому из нас не попадались в руки натужно-веселые, фальшивые, пресные, вымученные детские книжки (как правило, иллюстрированные столь же бездарно)? Именно они – а их во все времена немало, как и прочей графомании, – создали шлейф отношения к детской поэзии как к области ремесленного кича, утилитарного морализаторства, вялой дидактики, неуклюжего развлекательства.

Рецидивы неизбежны. Как идеологизация, так и демонстративное «бегство от идеологии» в детской поэзии – это содействие корысти властвующих или стремящихся к власти групп. И то, и другое побуждает к разрушительному утопизму – массовому впадению в детство. Триада – просвещение, воспитание, развлечение – деформируется в пользу последнего. Просвещение и воспитание сводятся к внушению удобных «элитам» схем. Цель – затормозить развитие человека, привить ему безоглядную волю к личному успеху, вогнать в инфантильный канон, лишить суверенной субъектности, способности самостоятельно мыслить и противостоять косности социальных систем.

Есть евангельская заповедь: «Аще... не будете яко дети, не внидете в царство небесное» (Мф. 18). Для поэта именно «быть яко дитя», не руководствоваться ничем кроме стремления к правде и красоте – путь к вершинам искусства. Если сам поэт «как дитя», даже его детская поэзия – взрослая. Путь «взросления» поэзии един: рост художественной достоверности образов сострадания, альтруизма, милосердия, справедливости – в конфликте с неправдой, подлостью, эгоизмом, стремлением к внешнему превосходству. В парадоксальной завораживающей глубине «наивной» детской поэзии то, о чем воин-фронтвик из рассказа Андрея Платонова «Сержант Шадрин» сказал как о необходимости «снова выходить Родину и переменить ее судьбу – от смерти к жизни». Это ли не главное – и для сербов, и для русских?

*Сведения об авторе:*  
Андрей Борисович Базилевский,  
докт. филол. наук  
ведущий научный сотрудник  
Институт мировой литературы им. А.М. Горького, РАН

Andrei B. Bazilevski,  
Doctor of Philology  
Leading Researcher  
A.M. Gorky Institute of World Literature, RAS  
wahazar@mail.ru

**Serbian and Russian Children's Poetry Today: Growing up and down**